

О ТАЛАНТЕ истинном надо говорить истинно талантливо или не говорить вовсе. Неумеренный восторг, равно как и безудержное обожание, вряд ли будет способствовать тому, чтобы в очередной раз открылось в уже давно и всем известном что-то новое и неизведанное.

Ведь ровно столько раз, сколько мы скажем себе и другим, что Пушкин — гений, ровно столько раз мы ни себе, ни другим ничего не скажем: что проку в доказательстве аксиомы?

Магия и загадка пушкинского творчества и пушкинской личности имеют парадоксальную особенность. Чем больше и ближе мы их узнаем, тем выше и недостижимее становятся творец и его творения. Поэтому всякий, раз, когда слышишь о Пушкине живое, незаемное и непредсказуемое слово, испытываешь что-то вроде праздника души. Ведь недаром Семен Степанович Гейченко называет Пушкина душевладеющим поэтом.

Поэт безраздельно владел нашими душами во все время телевизионного альманаха «Поэзия», очередной выпуск которого назывался «Пушкину посвящается...». Авторы передачи — сценарист Ионас Мисвявичюс, режиссер Алексей Савкин, редактор Дина Чупахина — избрали с виду беспристрастную интонацию повествования, в которой страсти, мысли, упительности

ВЕЧНЫЙ СПУТНИК

оказалось в избытке. Они сознательно отошли на второй план, уступили слово людям, сделавшим Пушкина символом своей поэтической и человеческой веры.

О Пушкине говорили Александр Межиров и Валентин Берестов, директор Пушкинского заповедника Семен Гейченко и генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки Алекс Ла Гума, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз и известная индийская художница, переводчица Пушкина на английский и урду Амина Ахунджа.

Каждый говорил о своем Пушкине, который в частностях и деталях мог не совпадать с оформившимся внутри нас образом поэта. Но тем ценнее и значительнее были их представ-

ления о Пушкине, их толкования Пушкина, что в немалой степени уточняло, дополняло облик нашего вечного спутника.

От литературоведческих открытий до эссеистских откровений — таков диапазон этого полуторачасового монолога о Пушкине. Сменяются лица, речи, интонации, но неизменно присутствует сам поэт, любовь к которому собрала людей по обе стороны экрана.

Так много и так многими здесь было сказано о нем, что, кажется, сложилась небольшая «телелитературная» энциклопедия, которую можно было бы назвать «Все о Пушкине». Или — «Все о Пушкине». Авторы передачи отобрали и включили в альманах все самое лучшее и самое ценное, что в архивах телевидения имело отношение к великому имени. Неуправляемого, бешеного темперамента Павел Антокольский и элегически грустный Константин Симонов — редкий актер сравнивается в чтении стихов с поэтом, редкий актер так остро и нервно почувствует стихию стиха, как почувствует и прочувствует ее поэт. И эти сравнительно недавно снятые кадры, сохранявшие для нас поэтов, читающих поэта, вдвойне уникальны. Живой Антокольский, живой Симонов, читающие живого Пушкина, размышляющие о нем, волнующиеся и волнующие нас звуками его рифм, аллитераций и вечно живущих мыслей его.

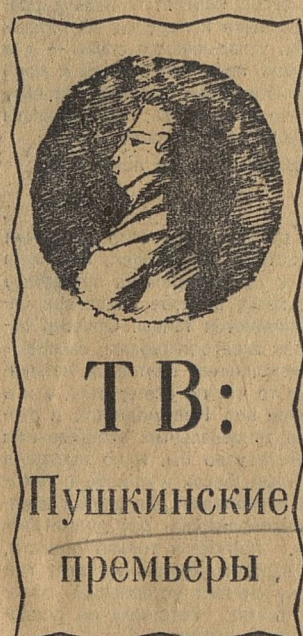
В. ТУРОВСКИЙ

ПОСТАНОВЩИК фильма «И с вами снова я...» был документалистом и остался им, уйдя в мировое кино. Есть у Б.Галантера привычное стремление всегда быть «при факте»: и двухсерийная «Жизнь Бетховена» (получившая первый приз на Всесоюзном телефестивале 1979 года), и новая его работа строится на монтаже подлинных исторических документов. Существенной другое: в его игровом кинематографе, по сути дела, нет игры. А.Филозов не «играет» Вяземского, М.Козаков не «изображает» Чаадаева, высокий, красивый, юный А.Пономарев тем более не рассчитывает, что мы примем его за зрелого Пушкина. И их, и других исполнителей, наверное, точнее было бы назвать «представителями». Им доверено выступать от лица названного персонажа. Как бы вести его голосовую партию, ничуть не переставая быть самим собою.

Отсюда — неожиданная драматургическая форма. «Бетховен» в одну старомодную гостиную собрал людей, многие из которых никогда не встречались и не могли встретиться — они жили в разное время, в разных странах, но их объединяло размышление о великом музыканте. В фильме «И с вами снова я...» мы попадаем в современное тон-ателье. Никакого грима, никаких старых костюмов, величавых поз. Обстановка обычной паузы перед работой. Но — сигнал. Все встали у пишущих со страничками. Вновь, разложенная на голоса, подлинными словами писем и воспоминаний, перед нами развернется драма любви, бунтарства, гибели.

Он короток, очень короток, этот фильм! Почему, в самом деле, в нем одна серия, а не четыре? Даже этот минимум действующих лиц, в сущности, довольно велик, и как немного в результате довелось сказать каждому! Со всем не тронуть целые пласты: например, переписка Пушкина с Натальей Николаевной. А сколько еще стихов могло бы прозвучать! И сами по себе, и в сопровождении музыки Шандора Каллоша!

В драматургии фильма решительно торжествует принцип части вместо целого, разшей детали вместо дотошного описания. Мы не сразу это осознаем, но с неуклонной художественной логикой документы ведут нас не к протоколу события, а к образному его осмыслению. С той же логикой, с какой камера Евгения Анисимова постепенно уходит от дежурных аксессуаров тон-ателье, и перед нами распахиваются прекрасные, сочные, истинно живописные портреты, едва заметно, тактично стилизованные под старую русскую жи-

ТВ: Пушкинские премьеры СУДЬБА ПОЭТА

вопись. Тому же стратегическому принципу верны протяженные, искусно выполненные панорамы-коллажи (художники — М.Медведев, А.Молоткова). В них — архитектура Санкт-Петербурга и давние пригорки Михайловского с буколическими овечками у горизонта, в них — калейдоскоп «тогдашних» лиц, дух, атмосфера происходящего.

Подчеркнутый обратный ход применен в «болдинской интермедии», как бы антракте между двумя актами драмы, с глотком вольного воздуха между теснотой условных интерьеров. Здесь все настоящее: чистенькие, холдно-оватно-стерильные стены музея; положенные красками осени недвижно застывшие окрестные перелески. И А.Пономарев здесь не боится выглядеть рядовым посетителем.

И сразу после этого — сгущение, нарастание драмы к неуклонному финалу. Хронология смещена, в подробности предсудебных дней ввергаются более поздние оценки, сетования, упреки. Сам пропуск подробностей поединка становится образным ходом. Свадебные колокола — и тут же, как бы в ответ, неотвратимая Черная речка.

О каждом из артистов можно писать отдельно. Легко сыграть царя презрительным и надменным. У Ю.Богатырева в этой мощной, статуйной фигуре прорезались нотки замешательства, удивления. Как дрогнул голос А.Филозова на запоздалом признании Вяземским его вины перед покойным гени-

альным другом! Как мудро, грустно и светло прозвучал последний монолог А.Калыгина — Жуковского — об «удовольствованном знании» на лице покойника...

Все они, люди, окружавшие Пушкина, смотрят на происходящее из будущего. В развешивающейся драме для них нет новизны. Кстати, и по возрасту все они старше А.Пономарева. Недаром же в титрах Наталья Николаевна помечена как Пушкина-Ланская. Режиссерская находка: все затеено следят за каждым жестом А.Пономарева — Пушкина. Он же широко распахнутыми глазами смотрит в пустоту перед собой — в нашу сторону. Чуть повернулся на голос, потупился, нашел ответ и снова задумался — о своем, о том, что лучше и вернее всего выплескивается стихами. Актер Театра имени Станиславского, вчерашний студент мхатовского училища, дебютировал, мне кажется, на «отлично». Конечно, это не самолично Александр Сергеевич, такой задачи, повторю, и не было. Это какая-то часть его души, юношеский романтический порыв, донесенный до седых волос, детская, незащищенная открытость миру — и потому обреченность перед всегдашней суровой судьбой поэта.

Режиссер боится малейшего намека на пристрастное судебное разбирательство, он отстраняется от документальных подробностей, что и как там «было». Его фильм — вовсе не попытка художественного исследования биографии или хотя бы части ее. Фильм — о судьбе, о предчувствии ее, о ее неотвратимости по упрямой логике большого мира. О том, что этого нельзя было остановить, тем более нельзя — из сегодня. Остается внимать и сострадать.

Он уходит от нас в распахнутую, залитую светом дверь. Жизнеподобность тон-ателье обрывается дерзкой метафорой. В этом единственном кадре у А.Пономарева — не каждый успел заметить — бак и на плечах что-то, намекающее на общезвестную крылатку. Он уходит — черным по белому — в графику тысяч рисунков, в графику нашей детской памяти, под скрип морозного снега. А она — плещет в углу. Уже не Наталья Николаевна, а русская женщина, актриса, которая полтора века спустя все не может примириться с судьбой поэта.

Фильм в результате не о Нем — о нас.

О том, что достойные культуры — не только строки, но и дыхание художника. О том, что когда-то случившееся неустанно случается вновь и вновь в воображении каждого, кто вспомнит об этом. О том, что, павший. Он победил — и снова с нами.

В. ДЕМИН